

Сабанчиева Любовь Хабижевна

АРХЕТИП МАТЕРИНСТВА В ЭПОСЕ "НАРТЫ"

В статье рассматривается архетип материнства, воплощенный в образах Сатаней и Сатанай - центральных персонажей эпоса адыгов и карачаево-балкарцев. Исследованный материал, отражающий не только особенности мифопоэтической пространственно-временной модели, но и последующих хронотопов, показал, что образы Сатаней-гуаши и Сатанай не только архаичны, но также динамичны и полисемантичны. Материнское начало в них прошло эволюцию от "неродившей" матери до традиционной. В отличие от большинства других исследователей, автором утверждается амбивалентный характер материнского начала, тем самым отвергается его чрезмерная идеализация. Отслежена эволюция оппозиции "мать / дитя".

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/42.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 4(66): в 2-х ч. Ч. 1. С. 154-158. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/4-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 398/54

Исторические науки и археология

В статье рассматривается архетип материнства, воплощенный в образах Сатаней и Сатанай – центральных персонажей эпоса адыгов и карачаево-балкарцев. Исследованный материал, отражающий не только особенности мифопоэтической пространственно-временной модели, но и последующих хронотопов, показал, что образы Сатаней-гуаши и Сатанай не только архаичны, но также динамичны и полисемантичны. Материнское начало в них прошло эволюцию от «неродившей» матери до традиционной. В отличие от большинства других исследователей, автором утверждается амбивалентный характер материнского начала, тем самым отвергается его чрезмерная идеализация. Отслежена эволюция оппозиции «мать / дитя».

Ключевые слова и фразы: эпос «Нарты»; архетип материнства (материнское начало); амбивалентный образ матери; мать всех нартвов; безмужняя неродившая мать; жена; оппозиция «мать / дитя».

Сабанчиева Любовь Хабижевна, к.и.н., доцент

Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований
sablyu@mail.ru

АРХЕТИП МАТЕРИНСТВА В ЭПОСЕ «НАРТЫ»

Фольклор является важной областью традиционной культуры народов Кавказа. Одним из распространенных фольклорных жанров является героический эпос «Нарты», представляющий собой свод народных героико-эпических сказаний о легендарных богатырях нартах, представленный в устной поэтической традиции кавказских народов – абазин, абхазов, адыгов, балкаро-карачаевцев, осетин и других. Соответственно этнонимам выделяются этноязыковые версии эпоса, которые имеют свои отличия в сюжетном составе, номенклатуре персонажей, поэтике, а также особенностей этногенеза. Общими для всех национальных версий являются богатырь (нарт) и племя богатырей (нарты). Общими являются также корни имен центральных мужских (адыгский Сосруко / Сосрыко, абазинский Сосрыква, карачаево-балкарский Сосрук / Созарук, осетинский Созрыко (Сослан) и других) и женских (адыгская Сатаней-гуаша, карачаево-балкарская Сатанай, Сатанай-бийче, осетинская Сатана и другие) персонажей. Наряду с этим в каждой языковой версии есть уникальные герои. Например, у адыгов – Адиюх, Ахумида, Бадыноко, абхазов – Цвица, Нарджхеу, осетин – Ахсар, Ахсартаг и так далее. Эти герои часто являлись и продолжают оставаться основными предметами научных исследований Нартиады в прошлом и настоящем. Особенный интерес вызывают этические и эстетические функции этих героев.

В одной из своих статей, посвященной архетипу отцовства, мы указывали на то, что учеными-кавказоведами в настоящее время проводятся исследования эпоса «Нарты» в юнгианском ключе. При этом мы подвергли сомнению вывод М. А. Хоконова о том, что Сатаней-гуаша – центральный женский персонаж адыгского эпоса «Нарты», является Матерью всех нартвов в эпосе адыгов и других народов Северного Кавказа. Основанием наших сомнений явились изыскания ученых, в частности, Ш. Д. Инал-Ипы, утверждавшего, например, что в осетинском эпосе, несмотря на ее высокое положение в обществе, Сатана, – только «лучшая из нартских матерей» [14, с. 31-32]. Также кажется необходимым уточнить утверждение исследователя М. А. Текуевой о том, что Сатаней-гуаша выполняет культурологическую роль материнского начала в адыгской мифологии [13].

На наш взгляд, проблема материнского начала в эпосе «Нарты» требовала дальнейшего исследования. Это актуально, поскольку архаическое сознание, являясь неустранимой частью психики личности «иногда прорывается в сознание человека, но в современных условиях его проявления считаются преимущественно социально неприемлемыми» [12, с. 234]. Проведя более детальное исследование феномена, мы пришли к мнению, что и в адыгском варианте эпоса образ Сатаней не всегда вписывается в данную М. А. Текуевой парадигму, что может свидетельствовать об амбивалентности ее материнского образа, о наложении на архаический образ более поздних представлений и, может быть, речь здесь можно вести о различных хронотопах. Ставя перед собой узкую задачу, в настоящей статье акцент будет сделан именно на этом, хотя весьма сложно реконструировать особенности архаического мышления.

Сатаней (Сатанай, Сатана, Села Сата) всегда привлекает внимание исследователей и читателей эпоса «Нарты». В более ранних научных исследованиях авторы не замечают двойственности характера героинь [1; 6; 9; 14; 15]. В. И. Абаев эту героиню эпоса ставил выше любого другого [1]. То же самое можно сказать и об отображении отношения к ней нартского общества. Особенно высоко вознес образ Сатаней-Гуаши (именно с заглавной буквы написан им эпитет Сатаней) А. Т. Шортанов [14, с. 203-204]. Но и он вынужден был обратить внимание на неоднозначное отношение нартского общества к Сатаней-гуаша, объясняемого им как следствие сугубо патриархального отношения к женщине, но никак не двойственностью характера героини [Там же, с. 203].

Со временем появляется более глубокий и всесторонний образ главного женского персонажа эпоса «Нарты». Такой подход у Н. Мамиевой, посвятившей специальную монографию образу главной героини осетинского эпоса Сатане [5], и у А. М. Гутова, когда он довольно четко артикулирует амбивалентность образа Сатаней-гуаши [10, с. 25].

Из всего многообразия для нашего исследования наибольший интерес представляют сюжеты о рождении самой героини, ее замужестве, рождении и воспитании детей, то есть те, где видны атрибуты материнства.

Существует много национальных вариантов сказаний о рождении героини, которые имеют большое значение в ее характеристике. Данная проблема наиболее информативна в карачаево-балкарской версии:

Солнце – отец Сатанай,
Луна – родившая ее ласковая мать.
У Луны ее Тейри Моря похитил,
Ее имя было – Суу Желмаууз.
Тери Моря [ее] на острове спрятал
И много лет держал [ее] в тайне...
За Сатанай Суу анасы ухаживала,
Золотые ее волосы расчесывала...
Несколько лет [она] в слезах провела,
[И] однажды ночью решила бежать [11, с. 306].

Далее Сатанай, чтобы скрыть свою лучезарность, размалевав лицо, вышла из укрытия, куда ее спрятали похитители, и на березовой доске с помощью рук и ног, доплыла до берега, что свидетельствует о ее связи с водной стихией. Там ее алмосту (демонологические существа) с собой забрали в дремучий лес и кореньями кормили. Алмосту к ней относились доброжелательно. Неожиданно все наткнулись на большой холм, который оказался старым эмегеном. Эмеген попытался поймать Сатанай, но тут она открыла свое лицо и ослепила старого эмегена, и он в ярости свалился в реку с крутой скалы. Долго она после этого бродила по земле, освещая все вокруг себя, моля Тейри Земли о помощи, ища людей:

И, так блуждая, она в страну нартвов пришла.
На окраине аула [ее] ведунья [нартвов] увидела.
Ведунья Сатанай [с собой] взяла,
Привела [домой] и в чулане поселила
В тайне [от всех] ведунья ее вырастила,
[Потом] Ерюзмеку о девушке наметнула.
Отдала [ее] в жены Ерюзмеку,
Ерюзбек у нее мудрости научился [Там же, с. 308].

В песне отчетливо прослеживается антагонистический характер социальных и гендерных отношений: между нарттами и эмегенами, между мужчинами и женщинами. Что касается характера взаимоотношений между существами женского пола, то здесь можно выделить два семантически противоположных варианта: космогонический антогонизм в царстве богов и солидарность на черной земле. Так, несмотря на тщательный уход Суу Анасы за Сатанай, последняя чувствует себя несчастной в стране богов. Сатанай решила сбежать из плена. На черной земле ее встречают обычно злые, но в данном контексте доброжелательные существа – алмосту, которые благосклонны к ней и кормят ее кореньями, вероятно, обладавшими целебными свойствами, а может, они наделили ее способностью к материнству. Сатанай побеждает эмегена благодаря своей сверхъестественной силе – лучезарности. Но тут она вновь остается одна. И опять же, благодаря своей лучезарности, ей удается войти в страну нарттов и встретить ведунью (вот откуда ее ведовство!), которая также, как и Суу Анасы воспитывает ее тайно, а затем выдает замуж и

[Так] Сатанай стала матерью [рода] нарттов.
Ерюзбек же стал отцом воинов нарттов [Там же].

В адыгской версии эпоса рождение Сатаней-гуаши не столь архаично. Вместе с тем постоянный полисемантический эпитет этой героини *гуаши*, вбирающий в себя понятия *богиня*, *повелительница*, *княгиня*, *свекровь*, *старшая женщина в доме*, *госпожа*, *кукла*, *чучело* (в обряде вызывания дождя, хотя здесь, на наш взгляд, чучело / *хьэнцигуащэ* (букв. лопата + гуащэ) является реминисценцией некогда существовавшей Богини дождя) сильно архаизирует ее рождение. Тем более, задолго до нас исследователи заметили, что *гуащэ* некогда означало божество. Как аргументированно пишет А. М. Гутов, некоторые черты Сатаней-гуаши, «как ведовство, обладание магическими свойствами, указывают, если и не на прямое ее происхождение от мифологического прообраза, то, во всяком случае, на связь с образами языческих богинь адыгской мифологии» [10, с. 25].

Далее. Являлась ли Сатаней (Сатанай) в современном рациональном понимании женой какого-либо героя? Да. Сатаней-гуаши в различных сюжетах адыгского эпоса выступает женой разных мужчин – Соса, нартского кузнеца Тлепша, Узырмеса, тхамеды нарттов Насрена Длиннобородого, что, по мнению А. Шортанова, свидетельствует о наличии в нартском обществе полиандрической формы брака [14, с. 203]. В некоторых сказаниях содержится картина эпического сватовства к Сатаней-гуаше. Так, в одном бжедугском тексте Орзэмэс едет к Сатаней свататься. После ее отказа, нартты похищают ее для Орзэмэса. В другом сюжете нарт Гогоньж – богатырь похищает Сатаней-гуашу и делает своей женой. Но в большинстве сказаний адыгов Сатаней-гуаши – безмужняя. «В кабардинском эпосе (и в этом его существенное стадийное отличие от осетинского), – писал в этой связи М. Талпа, – Сатаней – последовательно безмужняя» [3, с. 10]. В карачаево-балкарских нартских сказаниях Сатанай приписывается замужество то за Сосуруко, то за Орюзмеком [4, с. 184, 260].

Более архаичные брачные отношения (инцест) наблюдаются в осетинском эпосе: здесь отчетливо звучит древнейший мотив женитьбы брата на своей сестре [7, с. 53-57]. В другом национальном эпосе – абхазском тоже есть интимный союз между братом и сестрой, но здесь он получил другое звучание и развитие. В этой

роли выступают не Сатаней-гуаша и ее брат (у нее в абхазском эпосе нет брата), а ее дети – сын Сасрыквы и дочь Гунда прекрасная. Если в осетинском сказании союз между Сатаной и Урызмагом есть инцест, то союз Сасрыквы и Гунды – нравственно чистый и целомудренный, так как: «Гунда не причастна к отчаянию и самоубийству жены своего брата; она просто занимает место, которое та оставила вакантным, но не как супруги, а как хозяйка дома» [5, с. 86].

Большое место в Нартиаде занимают любовные отношения Сатаней с героями эпоса и небожителями, сформировавшийся в широко распространенный в фольклоре всех времен и народов мотив «неверной жены».

Родила ли Сатаней-гуаша, Сатанай, Сатана кого-либо? В адыгском нартском эпосе в одних циклах она предстает как «неродившая мать», в других – «обыкновенная мать». В целом по своему уму и той роли, которую она играет в нартском сообществе, она признана еще и *матерью всех нартов*. В карачаево-балкарском эпосе «каратон» / «бездетная» – один из постоянных эпитетов Сатанай. В абхазском варианте Сатаней-гуаша является матерью ста нартов. Все зависит от времени создания циклов и их национальной принадлежности и господствовавших в то или иное время матримониальных отношений.

Рассмотрим последовательно некоторые сюжеты.

В абсолютном большинстве адыгских сказаний Сатаней предстает в образе безмужней «неродившей» матери Сосруко. Но и в них, только физиологическое «нерождение» отличает Сатаней от всех остальных матерей, во всех других качествах она, обладая сверхъестественными качествами, превосходит их, проявляя феноменальную и необычайную заботу о своем «нерожденном сыне» Сосруко; даже в одном из сюжетов погибает, спасая его [10, с. 164].

Статус Сатаней-гуаша как «неродившей» матери объясняется универсальным эпическим мотивом «чудесного рождения» – партеногенезе нарта Сосруко. Нарт Сосруко родился из камня. Сатаней-гуаша стирала на берегу реки. Нартский пастух (в некоторых сюжетах – по имени Сос) вспылал к ней, не сдержал семени и пустил его *в сторону Сатаней*. Оно упало на камень (выступает в качестве матки или плаценты). Сатаней-гуаша подобрала камень и отнесла *к себе домой и положила в сундук*. Выждав положенные *девять месяцев и девять дней*, отнесла *набухший* камень к нартскому кузнецу Тлепшу. Она попросила его расколоть камень. «Тлепш разъял камень, и оттуда вывалился подобный горящему углю Сосруко, он *упал на шелковый подол*, выжиг шелковый подол и упал на землю. Тлепш взял его клещами за колени и *опустил в корыто с кузничной водой*, обладавшей волшебной силой. Вода остудила его, и все тело стало стальным, а колени остались плотью» [Там же, с. 182]. Как видно из выделенных нами в сюжете слов, процесс зарождения жизни и рождения ребенка максимально приближен к природному. Изменен только локус сеяния семени. И тому есть объяснение. Данный сюжет мог возникнуть в период смены матриархальных отношений патриархальными. Как справедливо подмечено, «патриархат в пору своего становления формировал гиперболизированное представление о возможностях мужчины, создав сюжеты о зарождении и появлении ребенка без прямого участия женщины» [2, с. 144].

В карачаево-балкарском эпосе этот тезис подтверждается еще более убедительно. Если при рождении адыгского героя самое непосредственное участие кузнеца Тлепша налицо, то здесь в процессе рождения Сосрука никто из мужчин не участвовал [4, с. 364].

В других вариантах героического эпоса балкарцев и карачаевцев Сатанай призывает мужчин для выполнения вспомогательной работы, затем в решающий момент появления на свет Сосруко, отправляет их: «Когда мастера, обтесав камень, утончили его, она отправила их по домам и сама вынула из камня Состар ребенка... Этого мальчика Сатанай воспитала тайне от Ерюзмека» [Там же, с. 366]. Мотив тайного воспитания сыновей матерями широко распространен во всех национальных версиях Нартиады.

Во всех национальных вариантах рождения Сосруко, Сосурука Сатаней и Сатанай обладали тайными знаниями о беременности камня, сроке созревания плода, а также навыками повивальной бабки.

С другой стороны, в нартских сказаниях привлекает внимание то, что детородные функции мужчин тесно увязаны не с близостью женщины, а, наоборот, с ее отсутствием. Так, в адыгских сказаниях интересны те сюжеты, в которых один и тот же герой может обладать или не обладать традиционными маскулинными качествами в зависимости от того является ли он мужем Сатаней-гуаши или нет. В первом случае он лишен напрочь, во втором, – обладает с избытком. Ярким примером является нарт Орзмэс. В одном из вариантов он рисуется в качестве мужа слабого, дряхлого, не имеющего детей: «Сатанэй-гуаша еще молода, она может обзавестись детьми. Орзмэс стар, от него не дождешься потомства. Он зря только существует... Давайте его убьем, Сатаней-гуаша найдет мужа по себе» [10]. В одном из сказаний у «Сатаней был муж, и муж был бесполой» [Там же, с. 155]. В тех случаях, когда Орзмэс не является мужем главной героини эпоса, он изображается сильным, смелым богатырем, предводителем нартов и их спасителем. Нарты называют его уважительно «тхамадой» – старшим, и оказывают ему соответствующие знаки почитания.

В данных сюжетах эпоса отчетливо виден мотив влияния женской телесности и сексуальности в качестве поражающего и обессиливающего оружия против богатырей. Эти примеры не единичны: Сатаней, боясь, что нарт Бадыноко в единоборстве с ее сыном Сосруко может победить, пытается обессилить последнего посредством половой близости [8, с. 152]. Несмотря на то, что Сатаней срывает с себя одежды и поочередно обнажает сверху до низу все части тела, Бадыноко стойко противостоит соблазну: «Никогда не ночью я в гостях у красавиц».

Во всех национальных версиях Нартиады отчетливо проявляется вышеописанный мотив. Так, герой карачаево-балкарского эпоса Ерюзбек умирает из-за того, что нарушил запрет избегать женщин. До пояса он был из человеческой плоти, а ниже пояса был сотворен из свинца. Ему была предсказана смерть в случае женитьбы – тогда свинцовая часть его тела должна растопиться. Поэтому он тщательно избегал женщин. Недалеко от его аула жила красавица (ариу кыз) коварная волшебница Шаулух Инджи, которая соблазнила

героя. Растопилась нижняя часть Орюзмека, и в ту же ночь он там и умер, а волшебница объявила себя его женой и стала владеть всеми его стадами [4, с. 181-182].

Мотив ослабления мужской силы женской сексуальностью так звучит в вайнахской версии: Колой-Канш для сохранения телесной силы избегает женщин, а тот, кому не удастся не поддаться соблазну, бывает наказан за это, а в осетинском эпосе – булатные ноги Созыруко превращаются в черное железо только из-за разговора с дочерью Солнца, пытавшейся соблазнить героя.

Поскольку Сатаней-гуаша, Сатанай, Сатана обладали тайными знаниями и навыками родовспоможения, в нартском обществе за ними была закреплена важная социальная функция – принятие родов. В результате манипуляций Сатаней, например, должны были сформироваться качества, соответствующие адыгским стереотипам феминности и маскулинности, то есть она проявляла способности влиять на соматические и психические качества человека [10, с. 156-157].

В поздних вариантах адыгских нартских сказаний материнский образ Сатаней более эмоционален, лиричен, приземлен. В этом смысле огромную семантическую нагрузку несет уникальное адыгское сказание «Смерть Сатаней». После того как Сатаней трижды приснились вещие сны о том, что ее воюющий сын Сосруко попал в беду и погиб, она пошла искать его. Обойдя все стороны света, она, наконец, нашла его на востоке. На поле брани были раскиданы все части тела Сосруко. Плача собрала она их и сложила все вместе. По обычаю перед похоронами она решила обмыть тело сына, но нигде не нашла воды.

«Тогда Сатаней по капле собрала в ладони росу с цветов и трав и ею одной обмыло тело Сосруко; только на лицо росы не хватило...

– Ах, я несчастная, что делать? – воскликнула она в отчаянии, повалилась на тело сына и стала плакать, обильно поливая его лицо слезами. Омыла глаза – и Сосруко открыл глаза. Обрадованная Сатаней поцеловала его в губы – и Сосруко задышал, открыв рот. С этим вздохом душа Сатаней вселилась в ее сына, а она сама свалилась замертво» [Там же, с. 164].

Здесь, как нам представляется, Сатаней проявила чувства страдающей матери, готовой на величайший акт самопожертвования – переселение своей души в тело сына.

Данное сказание примечательно и тем, что является одним из редких, где отображается ответная сыновняя любовь, то есть здесь видны эмоционально более развитые отношения «мать / дитя», эволюционировавшие в сторону смягчения. «Сосруко встал и, увидев свою мать мертвой, искренне ее оплакал, поднял ее с земли и принес домой. Он попросил Тлепша изготовить часовню из булата и там похоронил ее. Не довольствуясь этим, он извлек собственное сердце и положил в ее изголовье. Когда заходило солнце, сердце Сосруко сияло, подобно луне, как только солнце всходило, оно становилось черным, словно уголь.

Говорят, что так происходит в подобие разницы между материнской любовью и любовью детей» [Там же, с. 165].

Таким образом, несмотря на заключительные слова, в целом сюжет свидетельствует о смягчении оппозиции «мать / дитя».

Поздние эпические сюжеты интересны наличием в них этнографических данных, отражающих этнические обряды и обычаи, часть из которых сохранилась вплоть до нашего времени [Там же, с. 150-152].

Данный сюжет привлекает наше внимание и тем, что в нем наряду с «положительным» материнским образом Сатаней присутствует и «отрицательный» образ Нарыбгей – мать нарта Шауея. В адыгских нартских сказаниях о Нарыбгей, которая происходит от уродливых иныжей – великанов – нартских антагонистов, – воплотился образ «дикой матери». В эпосе с ней постоянно ведется борьба с целью «окультурить», укротив ее дикий нрав, что отчетливо видно и в приведенном отрывке. В данном конкретном случае обездвиживание Нарыбгей проводилось руками рожденного ею сына Шауея, что можно признать семантическим кодом известного во всем мире антагонизма между матерью и сыном. В данном сюжете (не в историческом плане, разумеется) укротить «дикую мать» Нарыбгей не удалось. Зато появившаяся семья в результате женитьбы ее сына нарта Шауея на красавице Хымсад, можно полагать, вполне соответствует традиционным представлениям о супружестве, которое должно длиться до конца жизни.

В адыгском эпосе есть и другие женские персонажи, которым приписывается материнство. Но кроме как о Сатаней, ни о ком из них нет сведений о чудесном способе рождения ими своих детей. Как объясняет М. А. Готов, число чудесным образом рожденных детей должно быть минимальным.

Как видно, эпические образы Сатаней-гуаши и Сатанай, архаичны и полисемантичны. В то же время они динамичны: материнское начало прошло эволюцию от «неродившей» матери до традиционной, отслеживается и гуманизация взаимоотношений «мать / дитя». В специфически национальной художественной форме в эпосе отразились всевозможные формы брака, присущие различным историческим эпохам, а также этническое мировоззрение о материнстве.

Список литературы

1. **Абаев В. И.** Нартовский эпос // Известия Северо-Осетинского научно-исследовательского института. Дзауджикау, 1945. Т. X. Вып. 1. 116 с.
2. **Готов А. М.** Поэтика и типология адыгского нартского эпоса. М.: Наука, 1993. 207 с.
3. **Кабардинский фольклор** / вступит. ст., коммент. и словарь М. Е. Талпа; ред. Ю. М. Соколова. М. – Л., 1936. 650 с.
4. **Карачаево-Балкарский фольклор в дореволюционных записях и публикациях** / сост., вступит. ст. и коммент. А. И. Алиевой; ред. Т. М. Хаджиева. Нальчик: Эльбрус, 1983. 432 с.
5. **Мамиева Н. К.** Сатана в осетинском нартском эпосе. Орджоникидзе, 1971. 165 с.
6. **Мелитинский Е.** Происхождение героического эпоса. Ранние формы и архаические памятники. М., 1963. 464 с.

7. Миллер В. Осетинские этюды. Владикавказ, 1992. 716 с.
8. Народные песни и инструментальные наигрыши адыгов: в 3-х т. / сост. З. П. Кардангушев; гл. ред. Е. В. Гиппиус. М.: Советский композитор, 1981. Т. 2. 231 с.
9. Нартский эпос: сборник статей / ред. В. И. Абаев. Дзауджикау: Гос. изд-во СО АССР, 1949. 80 с.
10. Нарты. Адыгский эпос. Нальчик: ООО «Тетраграф», 2012. Т. 1. Ранние циклы эпоса. Сосруко / общ. ред., сост., пер. и вступит. ст. А. М. Гутнова. 424 с.
11. Нарты. Героический эпос балкарцев и карачаевцев. М.: Восточная литература, 1994. 656 с.
12. Першин Ю. Ю. Архаическое сознание: сущность и принципы [Электронный ресурс]: дисс. ... д. филос. н. Омск, 2014. 271 с. URL: <http://www.dslib.net/religio-vedenie/arhaicheskoe-soznanie-suwnost-i-principy.html> (дата обращения: 15.01.2016).
13. Сабанчиева Л. Х. Архетип отцовства в эпосе «Нарты» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки: всероссийский научный журнал. Краснодар, 2014. № 6. Ч. 2. С. 165-168.
14. Сказания о нартах – эпос народов Кавказа: сб. статей / отв. ред. А. А. Петросян. М.: Наука, 1969. 547 с.
15. Шортанов А. Т. Адыгская мифология. Нальчик: Эльбрус, 1982. 196 с.

ARCHETYPE OF MOTHERHOOD IN “THE NART SAGAS”

Sabanchieva Lyubov' Khabizhevna, Ph. D. in History, Associate Professor
Kabardian-Balkarian Institute of Humanities Researches
sablyu@mail.ru

The article examines the archetype of motherhood personified in the images of Satanei and Satanaya – the central personages of the Adyghe and Karachay-Balkarian epos. The material under study representing not only the specifics of the myth-poetical spatial-temporal model but also the subsequent chronotopes indicated that Satanei-guashi and Satanaya images are not only archaic but also dynamic and polysemantic. Their maternal element has undergone evolution from “virgin” mother to traditional one. Contrary to the majority of other researchers the author argues for the ambivalent nature of the maternal element thus rejecting its excessive idealization. The paper traces the evolution of the opposition “mother – child”.

Key words and phrases: “The Nart Sagas”; archetype of motherhood (maternal element); ambivalent image of mother; mother of all the Narts; virgin mother; wife; opposition “mother – child”.

УДК 101.8

Философские науки

В статье рассматриваются кризисные явления, обусловленные доминированием неолиберальной парадигмы в условиях господства корпоративного капитала, а также комплекс проблем в экономике, политике, социальной жизни, образовании и науке, порожденных абсолютизацией принципов и выводов неолиберальной модели развития. Показаны основные предпосылки формирования многополярного мира. Изучаются особенности постглобализации как нового социального конструкта.

Ключевые слова и фразы: глобализация; постглобализация; многополярный мир; постмодернизм; неолиберализм; корпоративный капитал.

Скородумова Ольга Борисовна, д. филос. н., доцент
Российский государственный социальный университет, г. Москва
obsel@mail.ru

ПОСТГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК НОВАЯ МОДЕЛЬ ФОРМИРОВАНИЯ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА

Глобализационные процессы, определявшие формирование мира в конце XX – XXI в., приводят к новым социально-экономическим и политическим явлениям, обуславливающим современный этап мирового развития, который в научно-исследовательской литературе определяется как постглобализация. Становится актуальным исследование особенностей глобализационных процессов и факторов, приводящих к их трансформации и переходу к социальной организации нового типа. Используя методы компаративного анализа, диалектического подхода, выявляющего противоречивую сущность процессов перехода к постглобализационному устройству общества, в статье проводится анализ факторов, способствующих кризису проекта глобализации. Выделяются и анализируются сущностные черты постглобализационного общества.

С конца 80-х годов XX века термин «глобализация» и связанные с ним исследования выходят на первый план [3]. Глобализация связывается, в первую очередь, с финансовой сферой, которая в рамках новой техногенной фазы постиндустриального общества приобретает характер спекулятивного капитала. Широкое распространение глобальной сети Интернет приводит к формированию экономических и политических структур,